

ОН
Григорию
любил
Александрову —
мистификации
100 лет

Фото: ИТАР-ТАСС

Александров — краеугольный камень советского кинематографа, автор легендарных комедий и мелодрам «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Весна», «Цирк» — был еще и соавтором и соратником Сергея Эйзенштейна. Одной из последних в жизни Александрова стала работа над незавершенным фильмом «Мексика!». Работавший вместе с ним над картиной кинорежиссер Никита Орлов вспоминает о Григории Александрове.

У меня неубийственные воспоминания... Хотя я считаю его классиком советского кино и за один «Цирк» ему надо было памятник поставить. Но в дальнейшем его судьба претерпела ряд серьезных ударов — я имею в виду не политических, а творческих. Я долгое время думал, что он стар, болен, что ему трудно, а потом понял, что дело не в этом. Он просто живет в том времени, в котором сотворил лучшие свои произведения, и так отстал от жизни, что многое ему не дано. Я ему в ученики го-дился по возрасту. Он, кстати, когда его спрашивали, почему он работает с Орловым, отвечал: «У меня в семье пристрастие к мистификации».

«Да здравствует Мексика!» получила Гран-при Московского фестиваля, но она шла как картина Эйзенштейна: все знали внимание к Сергею Михайловичу, которого до последних десяти лет знали даже эсхи-

мосы. Естественно, из уважения к нему и картину приняли, хотя она мало походила на Эйзенштейновскую. Я хотел ее перевести в план рассуждений об Эйзенштейновской картине, но к этому отнеслись без должного внимания. Несмотря на то что я с этой картиной ездил за границу и читал лекции в Японии, у меня с ней связаны скептические воспоминания. Конечно, это не Эйзенштейн. Я написал даже пропог о том, какой картина была задумана и какой автор видит ее сейчас. Когда мы работали над ней с Александровым, он уже был очень болен. Правда, когда картину приняли, он пригласил меня, курил сигару, предложил выпить бутылку красного вина. Он поехал с картиной в Италию, а я куда-то в Африку. Александров после картины немножко оживился, он хотел еще делать с моим фильмом о Любови Петровне, но к тому времени у меня была другая работа.

Известна история о том, как Сталин принял «Светлый путь». Григорий Васильевич был любимцем Сталина. Когда его спрашивали, каким должен быть интеллигент, он отвечал: «Таким, как Григорий Александров». Он был безумно красив, умен... даже не умен, он был человеком с хитринкой, очень правильного понимания, что надо делать.

Любил мистификации.

Когда он снял «Светлый путь», рассказ о судьбе Золушки в стране социализма, то приехал показывать ее Сталину — тот обычно с картиной вызывал его. Сталин посмотрел, кивнул, молча прошел к двери. Достал трубку, спичку... Григорий Васильевич, поскольку был любимцем, отважился его преследовать, подошел за ним к двери и сказал: «Иосиф Виссарионович, вы не говорите всему. По-моему, вам картина не понравилась». Сталин сказал: «Нет, все нормально».

Тот: «Вот вы говорите «нормально», а раньше говорили, что можно поправить...»

Сталин действительно правил «Веселых ребят», и даже название это стилизовано — картина называлась «Джаз-комедия».

Обо всем этом памятку, осмелев, Григорий Васильевич начал допытываться: что-то, наверное, все же не так. Тогда Сталин посмотрел ему в глаза и сказал замечательную фразу: «Дорогой мой, ухождая — никогда не уходи!»

Кажется, после того как он «Весну» сделал, пригласил на дачу всех своих коллег, что вообще было нечестным явлением в то время. Они жили, как генералы, которые командуют разными частями и смотрят друг на друга если не с ревностью, то с мыслию, что кто-то может подсидеть.

В общем, отношения были непростыми,

особенно если учить, что все режиссеры

были государственными деятелями: считай,

почти номенклатура ЦК, если не Политбюро.

И вот собрал он их, и в середине приема горничная — у него служила горничная —

вспомнила с телефоном (у него был телефон на длинном шнуре, это было аристократично, это была редкость) и сказала: «Вас-

ко телефону». Он взял трубку, попросил всех замолчать или говорить потише и сказал: «Это из Кремля». «Да, товарищ Сталин. Спасибо, товарищ Сталин. Большое спасибо!» И повесил трубку. Все:

«Это Сталин!» «Да, он поздравил меня с большой победой — с картиной «Весна». Потом выяснилось, что Сталин не звонил да и вообще картина принята довольно хо-

лодно... Но вот Александров мог себе позволить такое, хотя, если бы его разоблачили, у него были бы неприятности. Он такой был человек — ну, не лукавый, но по-

нимавший, как надо в это авантюрное время себя вести.

Они поехали с Эйзенштейном в двадцатых годах в Мексику, в Америку. Александров был его ассистентом и одновременно — соавтором. В то время были «авторские», чтобы поддержать своего помощника, его делали соавтором по сценарию. Тогда пла-

тили проценты с каждого билета, и они все очень неплохо жили. Он уехал с Эйзенштейном в Америку, а под Эйзенштейна начали здесь копать. У него были очень плохие отношения с тогдашним председателем Госкино Шумяцким: Эйзенштейн, человек не без хищства, его все время подкашивал, и, естественно, Шумяцкий его возненавидел. Когда появилась возможность скромпометрировать Эйзенштейна, он это сделал.

А Эйзенштейн увлекся идеей фильма о Мексике, который делался на деньги Энтона Синклера, но время переменилось, и Эйзенштейн начал оттуда вытравливать. Но тот как раз загорелся и хотел в по-

следней части, которая как раз и не состояла, сделать настоящую картину. Все, что снято, — это просто двери к главному эпизоду. Короче говоря, Эйзенштейн понадобилось продление визы, а тогда это дела-

лось очень долго. Виза задерживалась, а Синклер, желая помочь, написал Сталину в письме: мол, мы с Эйзенштейном делаем картину о Мексике, которая произведет более сильное впечатление, чем «Броненосец

«Потемкин». Сталин ему ответил такой фразой: «Судя по всему, Эйзенштейн не хочет возвращаться в Россию, но мы и без него обойдемся».

Естественно, здесь, узнав об этом, жена Эйзенштейна срочно ему послала «Выезжай!», он выехал, а Александров остался в Америке. И приехал сюда, смонтировав там из журналов какие-то сюжеты... неплохо, нормально, хроникальные сюжеты... о торжестве социалистической индустрии!

То есть он уже перестраховался. Если Эйзенштейн ехал в порыве на пустое место, «может, и посадят», то Александров ехал с мандатом, который давал ему надежду на неприкосновенность.

Но еще он приехал сюда, зная американский кинематограф. Помогите с «Цирком», «Веселыми ребятами». Там просто основная сце-

на драки в общежитии добротно переведена — не говорю, что «дернула» — с очень

хорошей американской немой картины «Во-

инствующие скворцы». То есть это не плод осенения. Он приехал с багажом, который

у нас воспринимался как открытие. Поэтому его первые шаги были подготовлены к успеху.

У меня даже был сценарий об этой всей истории написан, и Александров хотел, чтобы мы его делали с его сыном, но это не сложилось. Дело в том, что Григорий Васильевич сразу взял бюллетень, как только под-

писали приказ о запуске, и написал сценарий, который ему подарил.

Он страшно испугался, решив, что я хочу залезть к нему в карман, написал сценарий, значит, деньги будут требовать. Я ему ты-

чала раз повторяю: «Григорий Васильевич, это мой подарок». Тогда он вместе с сыном за ночь или два написал какой-то сценарий, читать который было невозможно, кроме двух страниц, которые, как потом выяснилось, написал его сын. Я получил деньги!

Мне даже предложили потом получить какую-то часть, я отказался. Как только он получил деньги, пришел ко мне и сказал: «Ни-

когда я буду говорить по правде, надо снимать фильм по вашему сценарию».

И мы снимали по моему сценарию. Но этого мало: мне позвонил его сын и сказал, что хочет снимать трехчастный фильм о съемках в Мексике, и это, по-моему, было бы самое интересное. Мы это так и не осуществили, потому что сын его умер. Может, оно и к лучшему, что не получился этот фильм.

Участие Александрова, конечно, к этому не сводилось. Он очень долго монтировал фильм. Я сам мог бы смотреть как человек другого поколения, но терпеливо ждал, пока появится автограф Александрова.

Я старался, чтобы это был если не Эйзенштейн, то хотя бы Александров. Он вносил поправки, это было обязательным — слишком большой дистанция между мной и Эйзенштейном.

Во время работы над этим фильмом ко мне пришел журналист из «Литературной газеты» — в то время очень серьезного и модного издания. Я категорически отказался разговаривать — мне было неудобно, и я говорю: «Поговорите с Григорием Васильевичем». Я услышал ответ, который меня поразил: «Не буду звонить Александрову, он меня подвел». Оказывается, в прошлом интервью он сказал, что говорил с матросом Вакуличуком — организатором восстания на «Потемкине», и они это опубликовали. Через два дня — опровергли: Вакуличук умер тридцать лет назад. Александров как-то еще рассказал сюжет — потрясающий. Во время войны немцы сбросили шлюпку, он парашютом зацепился за Дзержинского и сел посреди Лубянки. Мы все посмеялись, я сразу понял, что этого не могло быть, но одна дама сказала: «Григорий Васильевич, ну что вы, тогда не было памятника Дзержинскому, он появился после войны». Он сказал: «Нет, был».

Он любил придумывать, и в его комедийных фильмах это было потрясающе использо-

газета

Григорий Александров фильмография

- 1924 — «Стачка» (актер, сценарист)
- 1925 — «Броненосец «Потемкин»» (актер, второй режиссер)
- 1926 — «Девушка с далекой реки» (сценарист)
- 1927 — «Октябрь» (второй режиссер, сценарист)
- 1929 — «Старое и новое» («Генеральная линия») (второй режиссер, сценарист)
- 1934 — «Веселые ребята» (режиссер, сценарист)
- 1936 — «Цирк» (режиссер, сценарист)
- 1938 — «Волга-Волга» (режиссер, сценарист)
- 1940 — «Светлый путь» (режиссер)
- 1943 — «Одна семья» (режиссер)
- 1947 — «Весна» (режиссер, сценарист)
- 1949 — «Встреча на Эльбе» (режиссер)
- 1952 — «Композитор Глинка» (режиссер, сценарист)
- 1973 — «Скворец и Лира» (режиссер, сценарист)
- 1979 — «Да здравствует Мексика!» (режиссер, сценарист)
- 1983 — «Любовь Орлова» (режиссер, сценарист)